

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ РУССКИХ И ЛАТЫШЕЙ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧЬЯ

В статье представлены некоторые особенности языковых контактов русских и латышей в условиях пограничья. Язык как хранитель культуры, истории народа дает представление о жизни народа, его тайнах. Выявляются особенности фонетической, морфологической, лексической систем языков в условиях многоязычия. Географическое положение многих государств оказывает положительное влияние на развитие экономических, политических и культурных областей. Культурные контакты русских и латышей находят отражение в фольклоре.

Ключевые слова: языковой контакт, этноним, диалекты, фольклор, многоязычие, хронология.

Ye. G. Melnikova

ABOUT SOME LANGUAGE AND CULTURAL CONTACTS OF THE RUSSIANS AND LETTS UNDER THE CONDITION OF LIVING IN THE FRONTIER ZONE

The article presents some peculiarities of language contacts of the Russians and Letts existing under the circumstances of living in the frontier zone. Language as a keeper of culture and history of people gives a clear view about their life and secrets. Some peculiarities of phonetic, morphological, and lexical systems of languages are revealed in the conditions of multilingualism. The geographic situation of many countries exerts a positive influence on the development of economic, political, and cultural spheres. Cultural contacts of the Russians and Letts find their reflection in folklore.

Key words: language contact, ethnonym, dialects, folklore, multilingualism, chronology.

Язык как знаковая система, обслуживающая определенный социум, выполняет несколько функций: общения, выражения мысли, кумулятивную — функцию хранения знаний об окружающей действительности. Язык является хранителем культуры и истории своего народа, может рассказать об отношениях с другими народами, приоткрыть собственные тайны [10, с. 3].

Тесное сосуществование народов, близость границ и географическое положение многих государств способствует сотрудничеству в экономических, политических, культурных и многих других областях. Так, географическая близость русских и латышей на разных временных этапах сформировала представление об этих народностях.

Этноним *латыши* возник на основе названия *латгалы* — обозначения племени, известного древнерусским летописям как *латыгола*, *лотыгола*. Данный этноним имеет самоназвание: *латвиетис* (latvietis), *латвис* (latvis) ед. ч. м. р., *латвиешии* (latvieši) мн. ч. Отмечены названия латышей в языках некоторых соседних народов: лит. latvis; эст. lätlane; фин. latvialainen, lättiläinen; белор. латыш; укр. латиш; польск. Łotysz; чеш. Lotyš; швед. lett. В англ. Latvian, Lett; нем. Lette; франц. Lette, Letton

[2, с. 194–195]. Среди локальных групп латышей в настоящее время особенно выделяются латгальцы (Латгале), проживающие в восточной части Латвии с характерными латгальскими говорами или латгальским языком. С давних времен исторические события способствовали проникновению в Латгале представителей других народностей. Восточная Латвия была своеобразной контактной зоной финно-угорских, а позднее — балтийских и славянских народов. В 16–18 в. влились польские помещики, чиновники, крестьяне, а также с XVII века эмигрировавшие из России старообрядцы. После присоединения Латгале к России к латышам присоединились русские чиновники, торговцы, крестьяне. Во второй половине 19 века в связи с переселением жителей Латгале из поселков на хутора сюда перебрались жители Видземе и Курземе (на севере Курземе и северо-западе Видземе).

В 1918 году после провозглашения Латвийского государства многие поляки выехали в Польшу, литовцы — в Литву, а в Латгале въехали латышские торговцы, ремесленники и чиновники из Видземе и Земгале.

В таких условиях многоязычия наблюдаются языковые контакты. Как отмечают многие исследователи, латгальский язык испытал на себе значительное влияние славянских языков. Появились, так называемые, русские говоры Латгалии с характерными фонетическими чертами: иканье, наличие твердых шипящих, протетическое *в* (*воспа*) [16, с. 38–39].

В результате длительного проживания на одной территории русских и латышей отмечается взаимодействие языков и культур в сфере фразеологии [7, с. 5–6]. Сохранились записи латгальцев о внешнем виде русского человека, его темпераменте, особенностях веры: *‘борода как у русского’* (традиционно латгальцы не отпускали бороду, что было характерно для православных и старообрядцев, т. е. типичная примета русских); *‘красная как русская’* (наряженная в яркую одежду); *‘крепкий как русский табак’* (очень крепкий); *‘божится как русский’* (упоминает бога часто и не к месту).

В фольклорном пословичном материале также обнаруживаются особенности восприятия окружающей действительности контактирующих народов. Пословицы как кодексы народной жизни черпают образы из повседневной обыденной жизни, наполнены «реальными подробностями и деталями». Они «не сочиняются, а вынуждаются силою обстоятельств» [6, с. 11].

В результате сравнительного изучения диалектных пословиц в разных языках выявляются инварианты, или «универсальные атомы смысла» (А. Вежбицкая). Так, русские и латышские пословицы могут не совпадать по образности, структуре и набору лексем, но могут совпадать по смысловому наполнению, взаимодополнять друг друга. Например, в русских и латышских пословицах с ключевым словом *жизнь* представлен философский взгляд на жизнь. Жизнь как многообразное явление в речевом узусе русских находит выражение в пословице *жизнь в полоску*. В латышском языке этот смысл заключен в пословицах с ключевым словом *пестрый*: *жизнь человека пестра, как цветок фасоли; жизнь человека пестра, как живот дятла; жизнь человека пестрая, как дятел; дятел пестрый, но жизнь человека еще более пестрая; наша жизнь более пестрая, чем букет цветов; жизнь пестрая как варезка; нигде не получается так пестро, как в мире*. Национальная специфика латышского народа особенно ярко проявляется в пословице *жизнь пестрая как варезка*. Это связано с особенностью народного промысла. Варезки у латышей вяжут с национальным орнаментом из разноцветных ниток. Поэтому слово *пестрый* в говорах Латгалии употребляется очень активно.

Отмечены параллели в латышском языке пословицы *жизнь прожить не поле перейти* — кальке с русского языка: *жизнь прожить не мешок сшить*; *жизнь прожить — не мех сшить* (у старообрядцев *мех* ‘мешок’) и варианты пословицы: *жизнь прожить — не ниткой шить*; *жизнь прожить — не нитка исшить*. Их образность основана на сопоставлении жизни с простейшими операциями и результатами шитья.

Зафиксирован и более поздний вариант пословицы, возникший под влиянием литературного языка: *жизнь прожить — не мешок сшить*, а в ранних фольклорных записях зафиксирована пословица: *жизнь прожить — не мутовку облизать*, вышедшая из употребления в настоящее время.

Ключевое слово *жизнь* отмечено в пословицах с вариантами о преодолении водного пространства как символом границы между жизнью и смертью: *жись-то жить — не река брести*; *жись прожить — не реку брести*; *век прожить — не волок перейти*; *жись-ту жить — не волок переехать*. Слово *волок* в псковских говорах как многозначное в основном значении определяется ‘место, путь, по которому волоча перетаскивают лес, сено’ [11, с. 116], а в архангельских говорах ‘место между водоемами, по которому перетаскивают по земле лодки и груз’, и ‘отрезок пути, расстояние между двумя населенными пунктами’ [3, с. 43, 45]. Следовательно, понятие **ВОЛОК** выступает промежуточным локусом между полем и водой. Таким образом, сфера жизни — это пространственная область между домом, полем и путем к воде, переход через которую и знаменует завершение жизненного цикла.

Важным источником при изучении языка и культуры народов являются фольклорные записи. О специфике диалектного фольклора Б. Н. Путилов пишет, следующее: «Она есть не наличие редких (или даже уникальных) форм, но скорее специфическая интерпретация общего, что в свою очередь представляет собой частный случай более общей вариативности народной культуры как ее неотторжимого качества» [1, с. 145]. По мнению многих исследователей фольклора, большая часть народных песен записана в восточной части Латвии — Латгалии.

В фольклорных текстах Латгалии находят отражение быт, нравы, характерные черты народа, проживающего на данной территории.

В Латгальском фольклоре образ русского встречается редко. Однако существуют предположения, что русские, живущие в Латгалии с давних времен, не воспринимаются как чужие. Например, латыши и русские охотно вступали в брак и начинали проживать на соответствующих территориях, что находит отражение в латгальских частушках (название «Латгальские»), записанных Ив. Фридрихом:

*Скоро в Латвию поеду,
Я с Россией расстаюсь.
До свиданья, тятя с мамой,
Латышу я достаюсь* [14, с. 8].

Первые упоминания о русских (древнее название кривичи) и латышах (латгалы) обнаруживаются в латышском фольклоре. Например, в древнейшем пласте народных песен (дайны) отражались разные стороны жизни русских и латышей в условиях пограничья. Об одном из обычаев, существовавших между племенами кривичей и латгалов, писал исследователь Я. Розенберг — это обычай обмениваться женами путем умыкания (предположительно до XIII–XIV веков):

Русский, русский, сын народа (то есть холостой парень, жених),

Увозит — меня в русскую землю.

Высокие кони, низкие ворота,

Срывают мой веночек (символ лишения девственности, символ замужества).

Латышские девушки не всегда отрицательно относились к тому, чтобы русский их увез:

Дай, Боже, большой вырасти,

Я буду невеста русского:

Впору мне русское платье,

Впору мне русская шапочка.

Последние дайны с упоминанием русского относятся к началу XIX века: в них говорится о войне русских с турками (1806–1812), Наполеоном (1812):

Турок с французом похвалялись

Русскую землю бобами засеять;

Но еще было у русского царя

Сто бочек белого гороху (то есть пуль) [14, с. 20–21].

Образ русского сохранился в древних поверьях, приметах, обычаях, обрядах, преданиях, анекдотах и т. д. В основном внимание латышей было обращено на русских священников, встреча с которым сулила удачу, счастье, особенно при прикосновении к его рукаву. Магическое значение для латыша первой половины XIX века приобретала и встреча с русским купцом [8].

Следует отметить, что в этот временной период (первая половина и середина XIX века) латыши придавали большое значение русскому человеку и русскому языку. Об этом свидетельствуют народные обычаи, в которых победителем в спорах оказывался тот, кто знал и мог сказать больше слов русского языка [9, с. 21].

Особое внимание в плане изучения изменений в традиционной культуре обращено на соседство Латвии и Эстонии с Печорским, Пыталовским и западной частью Палкинского районов Псковской области. Оригинальность ситуации в этом пограничном крае определяется межэтническими контактами между русскими и сету, эстонцами и латгалами.

Исконно в Латвии существовало трехязычие: латышско-русско-немецкое, но со второй половины XX века оно сменилось двуязычием — латышско-русским. Такое многоязычие создавало привлекательную языковую ситуацию данного региона. Под языковой ситуацией понимается совокупность языков в их территориальном, социальном функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов.

В исследованиях известного лингвиста-историка М. Ф. Семенова относительно языковых контактов на территории Латвии в XVII веке отмечается тяготение значительной части населения к немецкой культуре и немецкому языку. Это обусловило сильное влияние на речь местного разноязычного населения, и речь русских и латышей пестрела германизмами. Широко распространялась немецкая терминология, наряду с русской, в государственных документах (например, слова *гак*, *маяк*, *бак*). Такая ситуация сохранялась, особенно в городах, до середины XIX века [15, с.192].

Немецкий язык влиял на самые разные слои городского русского населения, т. е. социальная база подобного влияния была достаточно широкой. Активное влияние немецкого языка на местную русскую речь, на русский язык города Риги характерно

ризует весь период вхождения Остзейского края в состав Российской империи. Как показывают материалы диалектологической экспедиции в Лифляндскую губернию 1893 г., местное русское население сельской местности так отзывалось, очевидно, о городах: «там больши немецком языком говоря» [4, с. 389].

Особого внимания заслуживают языковые контакты и русский язык Риги. Русский язык Риги во время вхождения в состав Российской империи не был однородным явлением, что наложило своеобразный отпечаток и на особенности русского языка во второй половине XIX в. — начале XX в. и позднее, в период независимого Латвийского государства в первой половине XX в.

Существовало два варианта русского языка. С одной стороны, — это язык как средство общения крестьян, рабочих, малообразованных жителей столицы, занимавших невысокие позиции в социальной иерархии общества. С другой стороны, русский язык представителей интеллигенции, считавших себя хранителями традиций русского литературного языка [15, с. 193–200]. В это время в Риге проживало 3205 русских. В книге О. Гуна «Топографическое описание города Риги» 1798 года (СП-б., 1804) описаны многие факты этих контактов. Например, тесное общение с русскими и латышами в качестве врача вынуждало О. Гуна пользоваться соответствующей лексикой. В книге указаны русские слова (всего 521) с переводом их на латышский язык. Это названия рыб: *мень* и *калейка* (*уклейка*), *молька*, *корюшка*, *салака* и др.; название лекарственного растения *балдриан* (*маун*) — ср. (современное русское литературное *валериана* и лтш. *Baldrians*); названия животных и болезней и связанных с ними понятий. Некоторые из приведенных Гуном слов свидетельствуют об особенностях местного произношения; например: *вятла* (яканье), *майран*, *черемха* (утрата безударного гласного) и др.

В первой половине XIX века влияние немецкого языка еще велико и поэтому русских слов в речи горожан немного. Встречаются некоторые диалектные употребления, например, слова — *важница* (помещение для взвешивания товаров, ср. у Даля — в значении «весы»), *ярмонка* (ярмарка), *худой* (плохой); фразеологизмы — *убить до смерти*. Отмечены особенности не только лексического пласта, но и фонетическом уровне (обнаруживается употребление [к] на месте [h] (*котел* вм. *хотел*, *короший* вм. *хороший*); морфологическом — употребление во множественном числе таких слов, как *мебели*, *кананеи* вм. *канане*, и таких форм именительного падежа единственного числа, как *роля*, «роль», наблюдается широкое распространение форм родительного падежа множественного числа: *соседов*, *самоубийцев*. В области словообразования отмечается большое количество книжных отглагольных имен существительных со значением лица (*зажигатель*, *продаватель*, *приниматель*, *писатель*, т. е. пишущий) и со значением действия (*опубликование*, *провождение*, *подкупление*, *расточение*, *приведение*, *повреждение*, *вспоможение*). Однако обилие однотипных отглагольных существительных более характерно для немецкого языка, чем для русского.

Вторая половина XIX века характеризуется развитием латышского языка в связи с изменениями в области экономики и культуры и новыми политическими настроениями. Как отмечает исследователь Р. Э. Вейдемане, «создается благоприятная ситуация для контактов с русским языком в разных формах, так как политическое и экономическое единство подкрепляется всесторонними культурными связями» [5, с. 239–245].

Начинает регулярно выходить русская газета «Рижский вестник» (1869–1915), возникают русские общественные организации, открываются русские школы, и администрация города постепенно начинает переходить на русский язык. С введением русской администрации, появлением русской печати и русских школ укрепились позиции русского языка. Все это способствовало и распространению литературного языка. Одновременно с притоком в город русской рабочей силы прочно входили и надолго сохранялись диалектные черты речи.

В местной русской речи, по данным собирателей, наблюдаются черты средне-русских говоров, входящих в группу псковских говоров. Это изменение сочетания *дн* в двойное *н*: *последнее, онную, в занней*; формы творительного падежа множественного числа с окончанием *-ам*: *под рукам, с рукам, с ногам; с дуракам нечего толковать*; употребление деепричастия в роли сказуемого: *мы уже пооб дамиш; я уж умымишсь; они между собой побранимишсь*; твёрдое произношение [ч] и шипящих: *жырный, чыстый, шыло, цы*; формы именительного падежа множественного числа имён существительных мужского рода с окончанием *-и (-ы)* вместо *-á*: *глаз — глазы, рог — роги* [1, с. 131, 233].

В условиях разноязычия в Латвии употребляются слова немецкого или латышского происхождения в речи местного русского населения. Таких слов и выражений было около 200.

Заемствованиями из немецкого языка являются следующие слова: *грант* (гравий), *гумми* (резинка), *калкун* (индюк), *калька* (известь), *кунда* (клиент), *кухен* (пирожное), *цытрон* (лимон), *шибер* (задвижка, ср. диал. *шибир*), *штифт* (гвоздик), *шлеер* (вуаль). Многие из этих слов вошли в латышский язык. Непосредственными заимствованиями из латышского языка являются следующие слова: *забрунеть* (поджариться), *кала* (30 штук — обычно при подсчете рыбы), *лайва* (большая лодка), *мазгать* (стирать), *майка* (флигель), *кадык* (можжевелик), *цымда* (перчатка) и др.

Как отмечают многие исследователи, язык определённых слоёв населения Риги по своему происхождению и по своим признакам был тесно связан с диалектным языком, с так называемыми старожильческими говорами Латгалии. По определению исследователя М. Ф. Семёновой, этот вариант русского языка назван «своеобразным полудиалектом» [15, с. 213–214].

Из русской диалектной системы употребляются слова: *байна, батьян* (аист), *встрел* (встретил), *замнуть, отомнуть, замориться, кожемяка* (кожевник), *кожух* (шуба), *матка* (мать), *послизнуться, потрафлять, графиться* (удаваться), *пролубь, рей* (овин), *сдолить, слизгаться* (скользить), *черница, шкода* (вред) и др.

К фонетическим особенностям «русского говора» Риги относится произношение [и] в безударных слогах на месте гласных фонем неверхнего подъёма: *вирёвка, я бирёг, висёлый, силёдка, диржать, лижать, у ма́тири, мы дилаим* и произношение [а] в первом предупредном слоге: *на вярху́, привяли́* и т. д. К другим фонетико-морфологическим чертам, отражающим диалектные особенности местной русской речи, можно отнести отражение перехода [е] в [о] в формах глагола, например: *дёржишь, дёржит, дёржим, дёржите, дёржут*; отражение аналогического выравнивания основы на заднеязычный: *пикёшь, сикёшь, биригёшь, стиригёшь*.

Таким образом, многоязычие на территории Латвии в разные периоды развития общества создает привлекательную языковую ситуацию, что создает возможность для различных исследований. В результате языковых контактов обнаруживаются

черты разных языков, в том числе и диалектных. Сосуществование русских и латышской в условиях пограничья отражает особенности фонетической, морфологической, лексической систем языка. Культурные контакты находят отражение в фольклорных материалах, записанных и сохранившихся до наших дней.

Литература

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М.: Учпедгиз, 1949.
2. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. С. 194–197.
3. Архангельский областной словарь. Вып. 5. М.: МГУ, 1987. С. 43; Вып. 13. М.: МГУ, 1987. С. 45.
4. Бобров В. Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии. В кн.: *Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin, 1908. С. 389–395.
5. Вейдемане Р. Э. Некоторые факты влияния русского языка на латышский язык // Контакты латышского языка. Академия Наук Латвийской ССР, Институт языка и литературы им. Андрея Упита. Рига: «Зинатне», 1977. С. 239–251.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1. Репринтное издание.
7. Королева Е. Фразеологические сравнительные конструкции в латышском языке и русских говорах Латгалии. In: *Valoda daž .du kultūu kontekstā Valoda-2005. Zinānisko rakstu krāums*, XV. Daugavpils, 2005. С. 5–6.
8. Латвийский компьютерный фонд пословиц сборника латышского фольклора. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.lfk.lv/sakamvardi/index.html>
9. Материалы полевых исследований Резекненской Высшей школы. [Электронный ресурс]: URL: <http://jilt.d.realm.lv/sites/folklore>
10. Псковская энциклопедия. Главный редактор А. И. Лобачёв. Псков: Псковское региональное общественное учреждение. Издательство «Псковская энциклопедия», 2007.
11. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. С. 116.
12. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.
13. Русский фольклор в Латвии. Частушки // Собрание И. Д. Фридриха. Составитель Ю. И. Абызов. Рига, 2004. С. 8.
14. Rozenbergs J. Lekšernas krievs cilme latviešu valodā un šīs lekšēmas semantiskie varianti tautas dziesmās. *Latvijas Zinātņu akadēmijas vēstis*, 1977.
15. Семенова М. Ф. Из истории языковых взаимоотношений в городе Риге // Контакты латышского языка. Академия Наук Латвийской ССР, Институт языка и литературы им. Андрея Упита. Рига: «Зинатне», 1977. С. 192–214.
16. Семенова М. Ф. Сопоставительная грамматика русского и латышского языков. Riga: SIA “Vards”, 1994. С. 38–39.